

Жизнь прекрасна, удивительна,
 Упоительна подчас.
 Но летит она стремительно
 И легко минует нас.

Умоляюще, зависимо
 Ловим блеск ее волны.
 ...Поперек ложимся жизни мы.
 Как на речке валуны.

ХОЗЯЙКА

Проснется до свету она,
 Затопит печь, пол подотрет,
 Потом садится у окна,
 Глядит — как бы кого-то ждет.

И целый день вот так сидит.
 На раме стаивает лед.
 И непременно каждый раз
 На подоконнике вздремнет.

По снегу свежнему пройдет
 К колодцу кто-то за водой...
 Нет, никого она не ждет —
 Дал Бог ей, наконец, покой.

А счастлива она? Да нет.
 Ей снятся внучка, дочь и зять,
 Она готовит им обед...
 А так — не жить, а прозябать.

Вздремнет, проснется — все одна.
И за окошком ни души.
Сама собой утомлена —
И ходят ходики в тиши.

* * *

Снег белейший,
милейший,
первейший...
Небо сыплет его от души!
И спускается
ангел
добрейший
посреди необъятной глуши!

Он бинтует нам боли-печали,
он творит на земле чудеса.
Все чудесно, как в самом начале
были чудом и снег, и гроза...

Ну, а то, что деревни пропали,
что кругом небывалая глушь —
это все мы уже отстрадали
и оплакали, и устали...
Снег летит на печаль наших душ.

Снег ложится так нежно на душу!
Радость, светлая радость во мне!
Я слезами ее не нарушу.
Хорошо мне в родной стороне!

* * *

Как хорошо, что я не понимаю
Всех тонкостей и всяких механизмов
Великого троянского обмана,
Затеянного нынче на Руси.

Куда и как уходят миллиарды
И почему и кто тут виноватый...
Мы жить привыкли бедно, не вдаваясь
В раздумья о возможностях иных.

Но вижу я, что родина в ущербе
Таком великом, что и мне понятно.
А если б знать все тонкости, всю правду,
То, может, не хватило б силы жить.

Зовут на революцию... Не верю
Я больше в революции. Не верю.
Я верить стал в молитвы наших старцев
И в Божью милость.
Как и в Божий гнев...

БОЛЬ МОЯ

Зачем ты, милый человек,
Так оскотинился — напился,
Угрюмо сел на белый снег,
Как будто очень притомился...

Как бы свалившийся с луны,
Глядишь на землю бестолково:
Глаза отчаянно пьяны,
Язык забыл родное слово.

...Мы позабыли, что мы часть
Великой родины России;
Куда-то к будущему мчась,
Из виду это упустили.

Губя себя — ее мертвим.
Мы эгоисты, в самом деле, —
И от того, тоской томим,
Наш дух — в бесовской карусели.

О высшем долге и судьбе
Забыли думать, сиротея, —
И каждый стал сам по себе,
Безвольнее стал и слабее.

* * *

И в тридцать лет возможно сиротой
Вдруг ощутить себя и сиротливо
Заплакать дома над своей бедой
И над недавним временем счастливым.

«Вот мать была жива...» Была жива.
Всегда я знал, что есть на свете белом,
Кто не бросает по ветру слова, —
По мере сил всегда поможет делом.

Всегда я знал, что есть на свете *дом*...
Что если что, я у нее укроюсь.
И будем жить да поживать вдвоем.
Отрадная мне рисовалась повесть.

Ее любовь я ощущал всегда,
Ее поддержку, помощь, бережение...
«А для чего и жить, сынок, тогда», —
Все говорила мне на возраженья.

Теперь стоит ее фотопортрет.
Витает зыбкий образ молчаливо.
Теперь — и до скончанья моих лет —
Смотреть нам друг на друга сиротливо.

* * *

«Ее в ночи тоска, бывает, будит,
И ясно ей становится, как днем,
Что сын ее, конечно, не забудет,
Но не согреет старости ее...»

Я в этих давних строчках про другое
Хотел сказать, я видел смысл иной,
Что, мол, поэту нет нигде покоя,
Что неустроен путь его земной...

Что я не буду глух к ее печалям,
Но жизнь моя — ей много ль даст тепла?
О чем тоскуют матери ночами?
Чтоб жизнь детей устроенной была...

Об этом я писал, а вышло вот как —
Не дожила до старости она.
В мои слова другой как будто кто-то
Вложил свое...
Поэзия темна.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ АРКТИКЕ

Мне вспомнилось арктическое море —
Нырляющие нерпы, зелень льда,
Полярная сова в сверкающем просторе
И за бортом дегтярная вода.

О, Арктика, меня манил твой холод —
В середине лета бьющая пурга.
В твоих морях я был силен и молод,
Угрюмые оставив берега.

...Мы шли во льдах. Порою шли без неба,
В седой туман опасливо трубя.
И в мертвом окруженьи льда и снега
Я как-то странно ощутил себя:

Казалось мне, что и не надо тверди,
Земли не надо — сладко забытье...
Так, может, вспоминают после смерти,
Когда уж невозвратно бытие.

Мы долго шли, пургой бросался ветер,
Во льдах чернела мертвая вода...
Но думалось мне в этом мрачном свете,
Что лучшего не будет никогда.

...Я забывал про будничные страсти.
И преждее все было далеко.
Свистел норд-ост, и звонко пели снасти,
Душа распахивалась широко!

* * *

Виснет дымка над майскими травами,
А над нею — полеты стрижей!
Трактор по полю ходит, как траулер
По простору морских рубежей.

Эх, весеннее утро чудесное!
Блеск лучей — золотых карасей!
И великая тайна небесная
В перекликах летящих гусей!

Я люблю по низинам разливицу,
Откровенье озерных очей...
Все живет и поет, и счастливится!
И тучнеет хозяйство грачей.

Я люблю рыбаков по-над водами,
В поднебесье залиvistых птах...
Радость так и подвозят подводами —
На деревне она и в полях!

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

Помяни, поставь свечу — и этот
Огонек перенесется вмиг
В те края, где мать твоя с рассвета
Ожидает знак твой, этот блик...

Я не объясню такое чудо.
Только знаю: матушка глядит —
Не летит ли огонек отсюда?

Что же он
Так долго не летит?..

* * *

В небе реют ангелы заката —
Огненные крылья широки.
На планете брат идет на брата,
Дети плачут, плачут старики...

На планете нашей изначально
Брат идет на брата, льется кровь...
И спасает горько и печально
Этот мир великая любовь.

Да, конечно, горько и печально,
Но любовь превыше всех идей.
Так пребудет вечно, до скончанья
Всех веков земных и всех людей.